

Контуры российских утопий, или границы между позитивными и негативными воображаемыми мирами

УДК 316.754, 82-1/9

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-75-85>

И. В. Желтикова

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орел, Российская Федерация

e-mail: inga.zheltikova@gmail.com

Аннотация: Проблема различения утопии и антиутопии – это в первую очередь проблема принятия или неприятия смоделированного писателем или философом мира. При таком подходе остается открытым вопрос о том, кто именно оценивает вымышленный мир как утопический или антиутопический. На примере российских утопий, начиная с 18 века и до современности, демонстрируются три подхода к оценке социальных моделей: внутренний, авторский и читательский. Внутренний подход предполагает, что мир утопии/антиутопии оценивается самими населяющими его людьми. В этом случае при антиутопической модели герои заявляют свое несогласие с существующим порядком вещей, противостоят ему. Внешний подход строится на читательской или авторской оценке описываемой реальности, при этом авторская позиция чаще всего демонстрируется при помощи иронии и сарказма, а читательская оценка никак не выражается в самом тексте произведения.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, российские утопии, критерий оценки.

Для цитирования: Желтикова И.В. Контуры российских утопий, или границы между позитивными и негативными воображаемыми мирами // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 75-85. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-75-85>

THE OUTLINE OF RUSSIAN UTOPIAS OR BOUNDARIES BETWEEN POSITIVE AND NEGATIVE IMAGINARY WORLDS

Inga V. Zheltikova

Orel State University named after I. S. Turgeneva, Orel, Russia

e-mail: inga.zheltikova@gmail.com

Abstract: The problem of distinguishing between utopias and anti-utopias is primarily the problem of acceptance or rejection, modeled by a writer or philosopher of the world. The question of who exactly evaluates the fictional world as utopian or dystopian remains open in this approach. The author of the article demonstrates three approaches to assessing social models – internal, author's and reader's. As an example, consider Russian utopias of the 18th–21st centuries. That the world of utopia/dystopia is evaluated by the people

ЖЕЛТИКОВА ИНГА ВЛАДИСЛАВОВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

ZHELTIKOVA INGA VLADISLAVOVNA – CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of Orel State University named after I. S. Turgeneva

© Желтикова И.В., 2022

who inhabit it. In this case, with a dystopian model, the characters declare their disagreement with the existing order of things, oppose it. The external approach is based on the reader's or the author's assessment of the described reality, while the author's position is most often demonstrated with the help of irony and sarcasm, and the reader's assessment is not expressed in any way in the text of the work.

Keywords: utopia, dystopia, Russian utopias, evaluation criteria.

For citation: Zheltikova I.V. The outline of Russian utopias or boundaries between positive and negative imaginary worlds. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 75-85. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-75-85>

Введение

В этой статье речь пойдет об утопическом дискурсе, концептуализация которого, как и подходы к его изучению, несмотря на длительную историю исследования, остаются обсуждаемыми научными проблемами. В современном русском языке слово *утопия* и производные от него употребляются более чем в пятнадцати различных значениях [9]. Как объект изучения утопия интересует *литературоведов*, стремящихся выявить жанровые признаки и видовое разнообразие утопических произведений [24], политических и социальных *философов*, изучающих «утопическое» и «утопизм» как особую мировоззренческую установку, противостоящую реализму [19] и научному мышлению [6], *футурологов*, видящих в утопических проектах попытки моделирования будущего, *историков*, изучающих появление утопических настроений в конкретный временной период в определенной социальной среде, *архитекторов*, проектирующих городскую среду и изучающих историю моделирования городского пространства.

Здесь мы будем говорить об утопии как о построении идеальной социальной модели, находящей выражение по преимуществу в литературных текстах. Мы согласны с Негли Г. и Патриком Д. в понимании утопии как размышления о социальном и политическом устройстве совершенного общества [24]. Мы видим в утопии социальный феномен, появляющийся в позитивных коллективных ожиданиях, связанных с возможностью установления оптимального общественного порядка, существования мира, близкого к идеалу [10].

Мы обращаемся в этом небольшом исследовании к проблеме границ, которые разделяют утопии и противоположные им произведения.

Эта тема вызывала и продолжает вызывать живой интерес в связи с тем, что напрямую касается социального функционирования утопии. Для нас важно видеть в утопии не просто фантазирование и теоретизирование по поводу возможных миров, не просто поиск социального идеала, а саморефлексию социума, осознание проблем коллективного общежительства, возможности наступления такого социального порядка, который если бы и не демонстрировал лучший из возможных миров, то был бы максимально приближен к этому состоянию. Неслучайно в классических утопиях критика существующего строя служит прологом к описанию идеального общества. Автору важно не только смоделировать идеал, но и объяснить, почему предложенный вариант мира лучше, чем имеющийся. По этой же причине мы считаем, что антиутопии имеют ту же природу, что и утопии: это тоже результат моделирования миров, только автор антиутопии идет от противного и объясняет, чего не должно быть в обществе, стремящемся к идеалу.

На данный момент в исследованиях утопического дискурса – наряду с термином «утопия» – употребляется ряд терминов для маркировки произведений, изображающих мир, противоположный утопическому: «негативная утопия», «дистопия», «антиутопия», «какотопия», «контрутопия» и «роман-предостережение». Многие авторы обращаются к разграничению значений этих терминов, высказывая аргументы в пользу своей интер-

претации. Так, Э. Я. Баталов считает, что в основание субжанровой классификации должно быть положено позитивное или негативное отношение самого автора к описываемому обществу [3]. Он предлагает называть «утопией» первичное авторское моделирование совершенного общества, «контртопией» считать проект, создаваемый в оппозицию к утопическому, но необязательно изображающий несовершенное общество, а вот заведомо нежелательное, но возможное общество определять как «негативную утопию». В ней Баталов и его последователи различают «дистопию» – сатирическое изображение традиционных для утопий социальных порядков, «какотопию» – оригинальный вариант «плохой страны».

Э. Я. Араб-Оглы [2] считает целесообразным различать «позитивные утопии», «утопии негативные» и «антиутопии». В антиутопии демонстрируется практическая реализация утопических проектов, указывается их сущностное противоречие человеческой свободе.

Е. Щацкий [21] и Б. А. Ланин [7] используют все эти термины как синонимы английскому термину «дистопия». Ланин выделяет десять черт, характеризующих антиутопический дискурс, к числу которых относится и антитеза утопии, и высмеивание утопических идеалов (карнавальность, аллегоричность), и самостоятельное моделирование несовершенного общества [8, с. 38–161].

Советские фантасты братья Стругацкие считают, что правильнее говорить не об антиутопии, а о «романе-предостережении» [17]. Этот термин более соответствует произведениям, авторы которых изображают несовершенное мироустройство, поскольку они делают это не для того, чтобы убедить читателя в том, что в таком обществе плохо жить, а для того, чтобы дисгармоничная модель не была реализована в действительности.

Как можно заключить, разница в трактовке терминов для обозначения картины реальности, противоположной утопической, возникает в связи с конкретными исследовательскими целями. Для нас проблема различия утопии и ее противоположности – это

в первую очередь проблема позитивного или негативного моделирования социума. В позитивном варианте автор сосредотачивает свое внимание на возможностях бесконфликтного общества и его конфигурации, в негативном размышляет о проблемах и препятствиях при создании идеального социального порядка. Именно поэтому мы будем придерживаться общего термина «антиутопия» для обозначения всего комплекса моделей неидеального общества. В этой статье мы предлагаем сосредоточиться на таком аспекте различия утопии и ее противоположности, как принятие или неприятие смоделированного писателем или философом мира. Именно этот ракурс позволяет оценить социальное моделирование с интересующей нас позиции. Однако при таком подходе остается открытым вопрос о том, кто именно оценивает вымышленный мир как утопический или антиутопический: сами населяющие мир герои, автор или читатель?

Многие исследователи утопий полагают, что утопии непременно изображают статический [1; 20], застывший [7] в своем совершенстве мир, а в антиутопиях обязательно присутствуют герои, чей конфликт с существующим социальным порядком обнаруживает для читателя недопустимость описываемых отношений [13]. Однако можно назвать целый ряд произведений, которых особенно много в русской литературе, чьи миры достаточно подвижны, но сохраняют близость к идеалу; в других же герои не вступают в конфликт с окружающей их реальностью и только авторские комментарии (иногда вкладываемые в уста «наблюдателя») указывают читателю на антиутопический характер представленной картины.

Мы предлагаем для маркировки произведения как утопического или антиутопического использовать оценку смоделированного мира с трех позиций: во-первых, с позиции самих населяющих воображаемый мир людей (внутренняя оценка), во-вторых, с позиции автора, дающего оценку описываемого мира (авторская оценка), в-третьих, с учетом возможной оценки общественной модели читателями (внешняя оценка).

Материалы и методы

Основной задачей, стоящей перед нами, является подтверждение гипотезы о приемлемости и эвристической состоятельности предложенной нами оценки утопических произведений. В процессе работы мы опирались на герменевтический анализ текстов, подбор которых осуществлялся на основании присутствия в содержании социального моделирования в качестве одной из центральных тем. Аналитико-синтетический метод позволил нам выделить в текстах социально-политическую проблематику и аксиологический аспект для обнаружения внутренней оценки воображаемых миров. Сравнительный и исторический анализ были использованы при выявлении читательской оценки социальных моделей.

В качестве материала для анализа мы остановились на российских утопиях, написанных в период с 18 века до современности. В число этих произведений вошли следующие: «Путешествие в землю Офирскую г-на С. шведского дворянина» М. М. Щербатова (1784), «Сон» А. Д. Улыбышева (1819), «Правдоподобные небылицы, или Странствие по свету в XXIX веке» Ф. В. Булгарина (1824), «Город без имени» (1839), «4338-й год» (1840) и «Последнее самоубийство» (1844) В. Ф. Одоевского, «Что делать?» Н. Г. Чернышевского (1836), «Ночь перед свадьбой, или Грузия через 1000 лет» (1845) и «Тарантас» В. Ф. Соллогуба (1845), «В мире будущего» Н. Н. Шелонского (1892), «Рай земной или Сон в зимнюю ночь. Сказка-утопия XXVII века» К. С. Мережковского (1903), «Красная звезда» (1908) и «Инженер Мэнни» (1910) А. А. Богданова, «Республика Южного Креста» В. Я. Брюсова (1906), «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. В. Чаянова (1920), «Мы» Е. Замятин (1920), «Котлован» А. П. Платонова (1930), «Час Быка» (1957) и «Туманность Андромеды» (1968) И. А. Ефремова, «Полдень 21 век» (1962), «Попытка к бегству» (1962), «Обитаемый остров» (1969), «Гадкие лебеди» (1987), «Град обреченный» (1989) А. и Б. Стругацких, «Сто лет тому впе-

ред» (1978) и «Поселок» (1980) К. Булычева, «Москва 2042» В. Н. Войновича (1986), «Геном» (1999) и «Танцы на снегу» (2001), «Звезды холдные игрушки» (1997) и «Звездная тень» (1998) С. Лукьяненко, «Кысь» (2000) Т. Н. Толстой, «День опричника» (2006), «Сахарный кремль» (2008) и «Теллурания» (2013) В. Г. Сорокина, «Другой путь» Б. Акунина (2013). Конечно, представленный список не выглядит оптимальным и может быть изменен как в сторону расширения, так и сужения. При его формировании для нас важным было наличие в анализируемом произведении описания социального устройства и размышлений о его идеальности или, напротив, недопустимости.

Социальная модель глазами героя произведения

Рассматривая избранные произведения с первой позиции, то есть «глазами их героя», мы видим, что большинство вышеперечисленных произведений могут считаться утопиями, поскольку жители вымышленных миров не просто не приходят в противоречие с социальной действительностью, но и часто специально подчеркивают оптимальность существующего порядка. Приятно удивлен социальной гармонией и разумными законами неведомого общества и мудростью его правителя гость земли Офирской: «Если чем она и достойна примечания – сие есть: мудрым учрежденным правлением, в коем власть государская соображается с пользою народною, ... в коем законы сделаны общим народным согласием, ... правительство немного и немногочисленно, но и дел мало, ибо внушенная с детства в каждого добродетель и зачатия их не допускает; в коем вельможи не пышные, не сластолюбивые, искусные, трудолюбивые, похвальное честолюбие имеют сделать счастливыми подчиненных им людей» [23, с. 26–27]. Не отстает от «г-на С. шведского дворянина» и Бенедикт, житель постапокалиптического Кузмичевска, тоже радующийся мудрости своего правителя: «Есть у нас малые мурзы, а Федор Кузьмич, – слава ему, – Набольшии Мурза, долгих лет ему жизни. Кто сани

измыслил? Федор Кузьмич. Кто колесо из дерева резать догадался? Федор Кузьмич. Научил каменные горшки долбить, мышьей ловить да суп варить. Дал нам счет и письмо, буквы большие и малые, научил бересту рвать, книги шить, из болотной ржави чернила варить, палочки для письма расщеплять и в те чернила макать. Научил лодки-долбленки из бревен мастерить и на воду спускать, научил на медведя с рогатиной ходить... Только медвежью шкуру да мясо взять себе не моги: малые мурзы зорко надзирают. Не дело простому голубчику медвежью шкуру носить. И то понять надо: как же мурзе без шубы в санях ездить? Живо обморозится. А мы пешком бегаем, нам жарко...» [18, с. 18].

Технические новшества видятся залогом социального благополучия не только путешественникам в светлое будущее из «Сна» Ульянова, «4338-го года» Одоевского, но и по-сторонним гражданам «Сахарного Кремля» и «Теллурии» Сорокина. «В мире будущего» Шелонского наука выступает освобождающей социальной силой. По словам Николая Атоса, жителя 2892 года, «фабричное производство было необходимо потому, что человек не умел сам производить для себя все необходимое. Через это люди вынуждены были обмениваться услугами... Следствием этого было неравенство между людьми: одни более работали для других, чем эти последние для них. Наши принципы несколько иной: каждый человек сам производит для себя все, что ему надо. Он независим, он свободен» [22]. В «Теллурии» Сорокина генная инженерия, информационные технологии тоже сделали гигантский шаг вперед, только это никак не отразилось на социальном порядке. В одной из новелл от лица меленькой девочки рассказывается о преимуществах использования в сельском доме мощного планшетного компьютера – «колобка»: «Семье колобок помогает: папане – цены правильные на древесный уголь подскажет да где лучшие продать, мамане – где лучшие ситца прикупить, дедуле с подагрой да с табаком подсобит... А когда дедуля младшему братику Ване новые лапотки плесть замеял,

колобок указал, где лучшие лыко драть. Да деда и удивил. Всю жизнь дед драл в Горелой роще, а колобок его в Панинскую падь направил. Чертыхнулся дед, но пошел – это ж на версту ближе, да токмо лип там сроду не росло, один ивняк да орешник. Пришел, глянул, ахнул: маленький островок из липок молоденьких подрос посередь кустарника. Надрал дед на радостях семь коробов, еле домой притеper» [16, с. 313].

Позитивная оценка опыта построения более рационального и совершенного общества встречается в романе Чернышевского, героя которого в буквальном смысле договариваются о принципах более счастливой жизни. В сказке-утопии Мережковского буквическая идиллия является результатом трезвого расчета Покровителей и их экспериментов в области евгеники. Последовательно рациональны марсиане в романах Богданова и сельские жители, ставшие основной массой населения в «Стране крестьянской утопии» Чаянова.

Традиционная для классических утопий тема сравнения несовершенного мироустройства с идеальным присутствует в размышлениях героев «Часа Быка». Они противопоставляют мир Торманса, оставшегося во власти инферно, вырвавшемуся из оков смерти и зла миру земли. Максим Камерер, который оказался на «обитаемом острове» заштатной планеты не способен не только принять, но и просто понять архаическое для него общество. Интересно, что герой замятинского «Мы» Д-503, «в полной мере осознав» в конце романа совершенство Единого Государства, вспоминает свой бунт с осуждением, тем самым создавая двойной фокус в оценке этого общества. Во всех этих случаях герои уверены в оптимальности собственного общественного устройства и ненормальности мира, создающего ему контраст. Показательна в этом плане позиция героев «Поселка» Булычева, подростков, выросших на негостеприимной планете. Мир, ставший пленом для их родителей, выживших после крушения звездолета, – родная среда для поколения Олега, Марьяны, Дика. Подростки почти не верят в технологически развитый мир Земли, представленный

в их сознании рассказами старших, и когда происходит встреча аборигенов и участников новой экспедиции, обнаруживается взаимная чужеродность миров, в которой «правильным» оказывается собственный мир.

Антиутопичность моделируемой реальности обнаруживается героями, прямо заявляющими свое несогласие с существующим порядком вещей. В наших примерах это чаще всего персонажи, осмысливающие причины социальной несправедливости, а не противостоящие ей. Последний житель некогда славной страны из рассказа Одоевского, у которой теперь «нет имени, ибо она недостойна его», последовательно анализирует расцвет и падение общества, положившего в свое основание идеи Бентама о том, что «польза есть единственное основание нравственности и единственный закон для всех действий человека» [11, с. 12]. Писатель-диссидент Карцев в «Москве 2042» Войновича комментируют наблюдаемый социальный абсурд, но не вмешивается в него.

Нам представляется, что в отечественных антиутопиях герой, противостоящий социальному устройству, скорее исключение, чем правило. Конечно, Д-503 из романа Замятиня можно отнести к классическим «эксцентричным главным героям» антиутопий, деятельный протест которых против сложившегося мироустройства «позволяет создавать максимально жёсткую сюжетную и психологическую ситуацию» [7, с. 166]. Столь же активен и Петр Хрумов из дилогии Лукьяненко, отказывающийся выбирать из двух зол меньшее и противостоящий миру социального равенства Геометров и Конклаву, и Тени, миру полной свободы. Однако все-таки герои российских антиутопий чаще осуждают социальный порядок, чем пытаются его изменить.

Социальная модель в оценке автора

Рассматривая выбранные произведения как утопические или антиутопические со второй, «авторской», позиции, мы замечаем, что позитивное отношение вкладывается автором в уста героев, и в этом плане вторая группа

утопий во многом совпадает с первой. А вот негативное отношение автора к созданному миру демонстрируется в русских антиутопиях двояко: во-первых, прямыми комментариями автора, описывающего действительность как несовершенную, во-вторых, опосредованно, при помощи иронии и сарказма.

Примером первой – «прямой» – позиции автора могут служить рассказы «Последнее самоубийство» Одоевского и «Республика Южного Креста» Брюсова. У Одоевского рассказ о деградации Земли вследствие перенаселения доверен стороннему наблюдателю: «*Наступило время, предсказанное философами XIX века: род человеческий размножился; потерялась соразмерность между произведениями природы и потребностями человечества. Медленно, но постоянно приближалось оно к сему бедствию. Гонимые нищетою, жители городов бежали в поля, поля обращались в сель, сель в города, а города нечувствительно раздвигали свои границы...*» [12, с. 57]. Рассказ Брюсова – это газетный репортаж, начинающийся информацией о возникновении государства: «*Республика Южного креста возникла сорок лет тому назад из треста сталелитейных заводов, расположенных в южно-полярных областях. Главный город Республики, получивший название Звёздного, был расположен на самом полюсе*» [4, с. 36]. Корреспондент кратко информирует о принципах устройства государства и переходит к описанию эпидемии безумия, поразившей его жителей: «*Таков был, в самых общих чертах, строй жизни в Республике Южного Креста и ее столице. Задачей будущего историка будет определить, насколько повлиял он на возникновение и распространение роковой эпидемии, приведшей к гибели Звездного города, а может быть, и всего молодого государства*» [4, с. 41]. В подобных произведениях нет диссонанса между позицией автора, оценкой социальной модели героями произведения и позицией, которую займет читатель относительно презентируемой социальной реальности.

Вторая авторская позиция по отношению к моделируемому миру демонстрируется

не напрямую. С помощью сарказма, иронии, показа абсурдности описываемых ситуаций автор дает понять читателю, что подразумевает обратное тому, что пишет. В антиутопиях, написанных подобным образом, изложение пронизано злой насмешкой над героями, которые довольны несовершенным миром, их окружающим.

Так, в произведении Мережковского «Рай земной или Сон в зимнюю ночь» герой, оказавшийся в безмятежном обществе будущего, где на экваториальных островах ведут полу-животную жизнь селекционно выращенные, молодые, красивые и неизменно счастливые «друзья», часто недоумевает по поводу принятых в нем порядков, пытается их оспорить, однако неизменно соглашается с хранителем природной гармонии – *Покровителем*. Здесь авторская позиция проявляется в самих вопросах, которые оставляют у читателя чувство несогласия с идеальностью описываемого мира. Старательно скрытая авторская ирония ставит под сомнение идеальность «Рая земного», под маской похвалы и одобрения скрывается отрицание описываемой идиллии.

Более жесткая, злая ирония отличает антиутопические миры из «Дня опричника», «Сахарного кремля», «Кыси». Сорокин не просто ставит под сомнение идеальное жизнестроительство опричника Андрея Даниловича Комяги или героини рассказа «Марфушина радость», но использует особую едкость в своем стремлении максимально развенчать объект насмешки: «По плечу Марфуше наполнить самовар полутораведерный: налила воды, бересту подожгла, кинула в жерло черное, а сверху шишек сосновых... Затрещала береста. Марфуша поверх шишек пук щепы березовой сунула, патрубок вставила, да другой конец – в дыру в стене. Там за стеной – труба печная, обиная, на весь их шестнадцатиэтажный дом. Загудел весело самовар, затрещали шишки. А бабка уж тут как тут: едва молитву утреннюю прочла, сразу и печь топить принялась. Теперь уже все в Москве печи топят по утрам, готовят обед в печи русской, как Государь повелел. Большая это подмога России

и великая экономия газа драгоценного» [15, с. 102–103].

Роман в романе, утопия Акунина, сочиненная подозреваемым по сфабрикованному делу шпионов из «Другой России», обнаруживает свою антиутопическую природу не только финалом, в котором идеальное общество постепенно сползает в тоталитаризм, но и самим форматом ее презентации в произведении: «следователь», стремящийся заставить невиновного человека оговорить себя, хвалит его сочинение. Автор горько иронизирует по поводу героя, готового обсуждать утопию со своим палачом.

Часто антиутопичность произведения выражается автором лексическими средствами. Оксюморон помогает Войновичу показать не только неприемлемость описываемого общества будущего, но и его прямую абсурдность, как абсурден «Государственный экспериментальный ордена Ленина публичный дом имени Н. К. Крупской». Сопоставление несопоставимого, соединение противоречивых понятий в лозунгах «Кто сдаёт продукт вторичный, тот снабжается отлично!», «Мы лучшие всех!» подчеркивает нежизнеспособность «Москвы 2042» [5].

Нелепость и абсурдность мира «Котлована» [14] обнаруживается и в сентенциях героев: «Когда мужик войны не видел, то он вроде нерожавшей бабы – идиотом живет», и в характере самого изложения событий: «В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда».

Стремящийся к математической логике мир Замятиня, герои которого уверены, что «если они не поймут, что мы несем им математически безошибочное счастье, наши долг заставить их быть счастливыми», парадоксален. Противоречат существующим реалиям и здравому смыслу гротескные диагнозы: «Разве не ясно, что личное сознание – это только болезнь?», «Плохо ваше дело! По-видимому, у вас образовалась душа». Невозможны утверждения: «Я очень люблю детей, и я счи-

таю, что самая трудная и высокая любовь – это жестокость – вы понимаете?», «Любовь и голод владеют миром».

Авторская маркировка моделируемых миров как антиутопий достигается посредством дистанцирования от героев, определенного противостояния им. За иронией и сарказмом скрывается сожаление авторов о позиции героев, но не сочувствие им.

Социальная модель глазами читателя

Сложнее выделить читательскую оценку сконструированной в литературном произведении социальной реальности. Здесь мы теряем возможность опираться на сами произведения и должны прибегать к примерам восприятия, комментирования произведений читателями.

Проще всего обстоит дело с произведениями, создаваемыми самими авторами как антиутопии и прямо или косвенно заявляющими об этом. Едва ли симпатию читателя вызовет «Град обреченный» Стругацких или гротескные миры, о которых мы писали чуть выше. Однако при вполне нейтральной позиции изложения, выбранной автором, отношение читателей к описываемому миру может существенно отличаться – в зависимости как от временной дистанции между созданием и прочтением произведения, так и от мировоззренческих и идеологических позиций читателей.

Ярким примером несовпадения авторской и читательской оценки описываемого мира может служить «Город Солнца» Т. Кампанеллы, произведения, которое относится многими современными читателями скорее к антиутопической модели, нежели реальному социальному идеалу. Любовь к государству и отказ от личной дружбы и любви, четырехчасовой рабочий день и отсутствие внятного описания досуга утопийцев, их искусств и развития, а не только воспроизведения научных знаний, сведение сексуальных отношений к репродуктивной функции и их регламентация чиновниками делает утопию

Кампанеллы легким объектом для критики. Достаточно современному читателю поставить себя на место жителя Города Солнца, как идеальное общество превратится в свою противоположность.

Интересным примером «оборотничества» утопии, возникающего в связи с разницей мировоззренческих установок, являются романы Лукьяненко «Звезды холодные игрушки» и «Звездная тень», герой которых оказывается в идеальном мире свободных счастливых людей, сконструированном Ефремовым и ранними Стругацкими. Технологически совершенное общество, небывалый научный прорыв, материальное изобилие и неограниченное потребление; свобода профессионального самоопределения и помочь в этом психологов; планетарный совет, представленный экспертами, выполняющий политические функции; воспитатель-учитель-наставник как самая уважаемая профессия; покорение космоса и институт прогрессорства для помощи отсталым цивилизациям – это воплощенная утопия «Часа Быка», «Туманности Андромеды», «Полудня 21 века», «Попытки к бегству», «Обитаемого острова». Но что-то не устраивает в этом мире нашего современника Петра Хрумова, отказывающегося видеть в идеальной модели будущее для Земли. Протест Петра эмоционален и импульсивен, он сам затрудняется сформулировать свое несогласие, а его спутники по космической одиссее готовы признать этот мир близким к идеалу и принять его. Читатели Лукьяненко, как и Ефремова, могут оценивать описываемые миры как утопию или антиутопию, могут вступать в дискуссию о возможности не только воплощения идеала, но и успешного его моделирования.

С течением времени может поменяться и позиция самого автора по отношению к собственному произведению. Так, Станислав Лем исключил из своего прижизненного собрания сочинений роман-утопию «Магеллановы облака», настаивая даже на недопустимости его переиздания, полагая, что запечатленная в романе реальность, вдохновленная коммунисти-

ческими идеями, может показаться соблазнительной для читателей, лично не переживших опыт социалистического общежительства. Похожий пример можно увидеть и в позднем творчестве Стругацких, в котором миры светлого будущего постепенно теряют свою идеальность и незаметно дрейфуют в область непреодолимых социальных рифов.

Примерами амбивалентных для читателей произведений являются в первую очередь утопии, значительно отстоящие от нас по времени создания. Не всех современных читателей привлечет общество с жестким сословным делением из «Путешествия в землю Офирскую» Щербатова или «Правдоподобных не-былиц», или Странствия по свету в XXIX веке» Булгарина. Едва ли вызовут единодушную симпатию и религиозные доминанты патриархального быта в идеальном обществе романа Шелонского и рассказ Чаянова. От мировоззренческих установок читателя зависит оценка идеального марсианского мира из романа Богданова, построенного на культе рационализма, или антипрогрессистского «Рая земного» Мережковского.

Выводы

В этой работе на примере российских текстов мы попытались показать реализацию трех подходов к оценке социальных моделей как утопий или антиутопий. Внутренняя оценка предполагает, что мир утопии/антиутопии оценивается самими населяющими его людьми, которые выражают свое отношение к социальной реальности: испытывают счастье или конфликтуют, оправдывают или прямо осуждают и критикуют конкретные проявления социального порядка или мироустройство в целом. С этой позиции большинство рассматриваемых нами произведений могут считаться утопиями. Авторская оценка описываемого мира в случае с утопиями, как правило, совпадает с «внутренней оценкой» и выражается через позицию героев. Однако ряд произведений, при этом подходе, переходят из разряда утопий в антиутопии, а авторская позиция демонстрируется при

помощи гротеска и сарказма. Внешняя читательская оценка описываемой реальности никак не выражается в самом тексте произведения и может меняться в зависимости от времени жизни и мировоззренческой позиции читателя.

Различие социального конструирования с позиции идеала или его противоположности позволяет нам выделить несколько функций утопий, которые они выполняют как элементы актуальной социальной реальности. Во-первых, это функция проектирования совершенного социального устройства, которая соответствует как утопиям, так и антиутопиям. Первые это демонстрируют через прямое моделирование идеала, вторые – через прием от противного, изображение принципиально не идеального мира. Во-вторых, это критика реального социального порядка, выявления в нем негативных параметров, тенденций, которые следует преодолеть. Третью функцию утопии и антиутопии мы связываем с обсуждением образа будущего, желаемого или вызывающего опасения. И в том, и в другом случае социальная модель способствует активизации социальной позиции читателя для приближения или предотвращения описываемого будущего. Четвертую социальную функцию утопии мы связываем с выражением ценностных ориентиров и проверкой их приемлемости на уровне общества.

Кроме этого, анализ специфики российских утопий и антиутопий выявил преимущественно конформистскую установку авторов по отношению к социальным моделям. Проявляется это в особенности у российских антиутопий, герои которых или приветствуют существующий порядок, приспособливаются к нему, привыкают, или пассивно наблюдают его, внутренне не соглашаясь, но и не предпринимая попыток к переустройству несовершенного мира. Можно сказать, что критика существующей реальности в российских утопиях снижена, как и протест в антиутопиях. Подобные герои не вызывают сочувствия у автора, его ирония объективирует героев как элементы несовершенного мира.

Список литературы

1. Ануфриев А. Е. К вопросу о доминантных признаках жанра литературной утопии // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 2. С. 106–110.
2. Араб-Оглы Э. Я. Антиутопия. Москва: Мысль. 1989. 31 с.
3. Баталов Э. Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. Москва: Политиздат. 1989. 319 с.
4. Брюсов В. Я. Республика Южного Креста // Брюсов В. Я. Повести и рассказы. Москва, 1983. 368 с.
5. Войнович В. Н. Москва 2042. Москва: Азбука. 2017. 448 с.
6. Лабрика Ж. Марксизм между наукой и утопией // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2004. № 5. С. 268–293.
7. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 154–163.
8. Ланин Б. А. Антиутопия // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Николюкин А. Н. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН; Интелвак. 2001. 1596 с.
9. Мартынов Д. Е. К рассмотрению семантической эволюции понятия «утопия» (XX в.) // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 162–171.
10. Медведева Т. Б. Концепт утопия: современные исследования и многообразие интерпретаций // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 2. С. 113–117.
11. Одоевский В. Ф. Город без имени. Москва: Издательство Советская Россия, 1987. 290 с.
12. Одоевский В. Ф. Последнее самоубийство // Одоевский В. Ф. Последний квартет Бетховена. Москва, 1987. 290 с.
13. Петрихин А. В., Курочкина Л. Я. Плюрализм трактовок феномена «Утопия» в контексте единой европейской утопической традиции // Вестник Воронежского государственного технического университета, 2009. Т5. № 11. С. 251–254.
14. Платонов А. П. Котлован // Платонов А. П. Избранные произведения / Сост. М. А. Платонова. Москва: Экономика, 1983. 880 с.
15. Сорокин В. Г. Сахарный кремль. Москва: Захаров. 2008. 256 с.
16. Сорокин В. Г. Теллурия: роман / В. Г. Сорокин. Москва: ACT: Corpus, 2013. 446 с.
17. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Куда ж нам плыть? Вопросы без ответов // Независимая газета. 1991. 3 января.
18. Толстая Т. Н. Кысь. Москва: Эксмо. 2000. 416 с.
19. Фогт А. Социальные утопии. Москва: КомКнига. 2007. 175 с.
20. Шадурский М. И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. Москва: Издательство ЛКИ. 2007. 160 с.
21. Шацкий Е. Утопии и традиция / Пер. с польск. К. В. Дущенко, М. И. Леньшина; Общ. ред. и пред. В. А. Чаликовой. Москва: Прогресс, 1990. С. 160–161. 456 с.
22. Шелонский Н. Н. В мире будущего: Фантастический роман в пяти выпусках / Москва.: Тип. И. Д. Сытина и Ко, 1892. 320 с. [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/s/shelonskij_n_n/text_1892_v_mire_budushego.shtml
23. Щербатов М. М. Путешествие в землю Офирскую // Взгляд сквозь столетия: антология русской фантастики XVIII и первой половины XIX века, / авт.-сост. В. Гуминский, Москва: Молодая гвардия, 1977. С. 20–68.
24. Negley G., Patrik D. The Quest for Utopia. N.Y., 1952. 380 p.

References

1. Anufriev A. E. To the question of the dominant features of the genre of literary utopia // Bulletin of the Vyatka State University, 2012. No. 2. P. 106–110. (In Russ.)
2. Arab-Ogly E. Ya. Dystopia. Moscow: Thought. 1989. 31 p. (In Russ.)
3. Batalov E. Ya. In the world of utopia: Five dialogues about utopia, utopian consciousness and utopian experiments. Moscow: Politizdat, 1989. 319 p. (In Russ.)
4. Bryusov V. Ya. Republic of the Southern Cross // Bryusov V. Ya. Leads and stories. Moscow, 1983. 368 p. (In Russ.)
5. Voinovich V. N. Moscow 2042. Moscow: Azbuka. 2017. 448 p. (In Russ.)
6. Labrika Zh. Marxism between science and utopia // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2004. No. 5. P. 268–293. (In Russ.)
7. Lanin B. A. Anatomy of literary dystopia // Social sciences and modernity, 1993. No. 5. P. 154–163. (In Russ.)
8. Lanin B. A. Dystopia // Literary Encyclopedia of Terms and Concepts / Nikolyukin A. N. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Intervak, 2001. 1596 p. (In Russ.)
9. Martynov D. E. To the consideration of the semantic evolution of the concept of “utopia” (XX century) // Questions of Philosophy, 2009. No. 10. pp.162–171. (In Russ.)
10. Medvedeva T. B. The concept of utopia: modern research and a variety of interpretations // Humanitarian and socio-economic sciences, 2009. No. 2. pp. 113–117. (In Russ.)
11. Odoevsky V. F. City without a name. Moscow: Soviet Russia Publishing House, 1987. 290 p.
12. Odoevsky V. F. The last suicide // Odoevsky V. F. Beethoven's last quartet. Moscow, 1987. 290 p. (In Russ.)
13. Petrikhin A. V., Kurochkina L. Ya. Pluralism of interpretations of the phenomenon “Utopia” in the context of a single European utopian tradition // Bulletin of the Voronezh State Technical University, 2009. V5. No. 11. S. 251–254. (In Russ.)
14. Platonov A. P. Pit // Platonov A. P. Selected works / Comp. M. A. Platonov. Moscow: Economics, 1983. 880 p. (In Russ.)
15. Sorokin V. G. Sugar kremlin. M., Zakharov. 2008. 256 p. (In Russ.)
16. Sorokin V. G. Telluria: a novel / V. G. Sorokin. M.: AST: Corpus, 2013. 446 p. (In Russ.)
17. Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. Where are we to sail? Questions without answers // Nezavisimaya gazeta. 1991. January 3rd. (In Russ.)
18. Tolstaya T. N. Kitty. Moscow, Eksmo. 2000. 416 p. (In Russ.)
19. Vogt A. Social utopias. Moscow: KomKniga, 2007. 175 p. (In Russ.)
20. Shadursky M. I. Literary utopia from More to Huxley: Problems of genre poetics and semiosphere. Finding the island. Moscow: LKI Publishing House, 2007. 160 p. (In Russ.)
21. Shatsky E. Utopia and tradition / Per. from Polish. K. V. Dushenko, M. I. Lenshina; Tot. ed. and before. V. A. Chalikova. Moscow: Progress, 1990. P. 160–161. 456 p. (In Russ.)
22. Shelonsky N. N. In the world of the future: A fantasy novel in five editions / Moscow: Type. I. D. Sytina and Co., 1892. 320 p. // URL: http://az.lib.ru/s/shelonskij_n_n/text_1892_v_mire_budushego.shtml (In Russ.)
23. Shcherbatov M. M. Journey to the land of Ophir // A look through the centuries: an anthology of Russian science fiction of the 18th and first half of the 19th century, / ed. V. Guminsky, Moscow: Young Guard, 1977. S. 20–68. (In Russ.)
24. Negley G., Patrik D. The Quest for Utopia. N.Y., 1952. 380 p.

*

Поступила в редакцию 28.08.2022